МЕТАФИЗИКА УДЕРЖАНИЯ: ОНТОЛОГИЯ ПРОМЕЖУТКА

монография

Максим Привезенцев

Максим Привезенцев

Метафизика удержания: онтология промежутка. Монография

«Издательские решения»

Привезенцев М.

Метафизика удержания: онтология промежутка. Монография / М. Привезенцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689851-6

«Метафизика удержания» предлагает язык для мира после катастроф XX–XXI века: от Холокоста и тоталитаризма до цифровой войны и экономики внимания. Вместо «системы сущего» строится онтология промежутка и напряжения: важны формы выдерживаемых вопросов и онтические возможные ветки, а не перечень сущностей. Книга задаёт программу: теология удержания, этика между безразличием и выгоранием, философия ИИ и цифрового насилия, теория свидетельства и памяти. Это первая монография «Метафизики удержания».

ISBN 978-5-00-689851-6

© Привезенцев М.
© Издательские решения

Содержание

Метафизика удержания: онтология промежутка 6
Часть I. Онтология удержания 8
Глава 1. «Задача онтологии удержания» 8
1.1. Постановка проблемы 8
1.2. Диагноз недостаточности 9
1.3. Ввод основного тезиса 10
Глава 2. «Что значит „существовать как удерживаемое“» 12
2.1. Деконструкция привычного «существовать» 12
2.2. Позитивное определение «удерживаемого существования» 13
2.3. Отличие от субстанции, акта и события 15
Глава 3. «Форма и напряжение» 17
3.1. Форма как онтологический носитель удержания 17
3.2. Напряжение как структурная характеристика, а не эмоция 18
3.3. Взаимосвязь формы и напряжения 20
Глава 4. «Пространство без ответа» 22
4.1. Критика идеи ответа как единственной цели вопроса 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Метафизика удержания: онтология промежутка Монография

Максим Привезенцев

© Максим Привезенцев, 2026

ISBN 978-5-0068-9851-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Метафизика удержания: онтология промежутка
Монография
Максим Привезенцев

Предисловие к этой монографии должно сразу задать её тон: перед читателем не ещё одна «система всего сущего», а попытка выработать язык для тех ситуаций, в которых преждевременный ответ разрушает сам опыт, – язык метафизики удержания, то есть онтологии промежутка и напряжения. Эта книга рождается на пересечении классической метафизики, современной аналитической «метаметфизики» и корпусов о памяти, травме, биополитике и экономике внимания, но сознательно не растворяется ни в одном из этих направлений.

1. Откуда берётся вопрос об удержании

– Исходный импульс книги связан не с абстрактным интересом к «структуре реальности», а с опытом предельных ситуаций XX—XXI века: Холокост, лагеря, тоталитарные режимы, новые войны, цифровое насилие и климатический риск поставили человека туда, где вопрос о смысле, зле, Боге, справедливости и ответственности нельзя ни честно решить до конца, ни отбросить как лишний.

– В этих ситуациях важнейшим оказывается не столько ответ, сколько форма выдерживания вопроса: как долго мы способны не закрывать тему вины и памяти, какой ценой удерживаем внимание к чужому страданию, какие паузы – юридические, политические, экзистенциальные – позволяем себе перед тем, как принять необратимое решение.

2. Основной замысел: метафизика промежутка

– Метафизика удержания предлагает переопределить центральный вопрос онтологии: вместо классического «что существует?» она выдвигает связку «что и как удерживается?», «какие формы удержания мы обязаны признать онтологически реальными, иначе будет искажён сам опыт людей и институтов».

– Это означает сдвиг фокуса: метафизика занимается не только перечнем сущностей (субстанций, процессов, структур), но и анализом тех форм промежутка, в которых вопросы о Боге, зле, свободе, справедливости, техносфере и памяти не должны быть закрыты слишком рано, потому что именно их незавершённость и есть реальный «каркас» нашей жизни.

3. Место книги в современной философии

– С одной стороны, монография опирается на современные обсуждения в метаметфизике (вопросы об онтологических обязательствах, статусе метафизических споров, связи метафизики и науки); с другой – на канон текстов о памяти и зле (Эли Визель, Ханна Арендт, Фуко, Агамбен, исследования травмы и свидетельства, работы об экономике внимания и биополитике).

– На их фоне проект удержания занимает умеренно реалистскую позицию: он утверждает, что существуют не только вещи и процессы, но и реальные структуры удержания – поля напряжения, формы памяти, конфигурации ответственности и безразличия, – которые обладают собственным онтологическим статусом и не сводимы к языковой конвенции или психологической динамике.

4. Как устроена монография

– Первая часть задаёт понятийный каркас: вводятся базовые интуиции удержания, промежутка, поля напряжения; показано, как они вырастают из классических метафизических категорий (ousia, субстанция, eidos, форма) и из предельных исторических опытов, где на кону стоит bare life (голая жизнь) и внимание.

– Вторая часть соотносит метафизику удержания с современной онтологией: обсуждаются субстанция и структура, процессы и отношения, уровни реальности и основанность

(grounding), время и модальность, чтобы показать, как идея удержания переопределяет процесс и реляционность, не разрушая, но переписывая язык классических и новых онтологий.

– Третья часть выходит на уровень метаметфизики и границ проекта: здесь анализируется статус утверждений об удержании (их претензия на онтологическую объективность, а не чисто лингвистическую конвенцию), их связь с научным знанием и теориями принятия решений, а также открытые технические вопросы – логика удержания, формальные модели ветвящихся пространств, отношения с теориями неопределённости и POMDP (частично наблюдаемые марковские процессы принятия решений).

5. Открытость и эстафета

– В заключительных главах третьей части фиксируются тематические и дисциплинарные пределы: проект удержания не подменяет собой теологию, теорию зла, политическую философию или философию техники, а передаёт им тщательно сформулированные вопросы – о Боге как поле напряжения, о зле и радикальном насилии, о демократии и цифровой войне, об искусственном интеллекте и экономике внимания, о памяти и свидетельстве.

– В этом смысле предисловие заранее предупреждает читателя: перед ним не замкнутая система, а первый том исследовательской программы; конец книги будет принципиально открытым, превращённым в узел веток, где метафизика удержания передаёт свои вопросы дальше – теологии, этике, политической философии, философии техники и травмы – и приглашает читателя стать соучастником этой эстафеты.

Часть I. Онтология удержания

Глава 1. «Задача онтологии удержания»

1.1. Постановка проблемы

– Краткая реконструкция двух линий:

– классическая метафизика (Аристотель → схоластика → Декарт, Спиноза, Лейбниц → Кант, Гегель) как попытка ответить на вопрос «что есть?» через субстанцию, основание, систему.

– современная и постметафизика (Хайдеггер, Уайтхед, негативная диалектика, процессные и реляционные онтологии, метаметафизика) как критика и перестройка этого вопроса.

Онтология удержания входит в разговор о метафизике не с нуля: она наследует две длинные линии ответа на вопрос «что есть?», но показывает, что обе они плохо видят то, на чём мир держится – формы удержания, паузы, ответственности.

Классическая линия: от субстанции к системе

– В античной и схоластической традиции фундаментальное мыслится как сущность (ousia) и субстанция (substantia): то, что существует само по себе, является носителем свойств и остаётся тождественным себе через изменения; Аристотель, средневековые комментаторы, а затем Декарт, Спиноза, Лейбниц различают устойчивое основание и его модификации.

– Новое время добавляет к субстанции идею системности: Кант и Гегель пытаются показать, как мир может быть мыслится как упорядоченное целое – через категориальную структуру опыта у Канта и через самодвижение понятия у Гегеля, где действительность выступает как развертывание одной системы разума.

Во всех этих вариантах исходным остаётся вопрос «что есть?» – какие сущности, основания, законы и структуры составляют сердцевину реального, тогда как вопрос «что удерживает мир в человеческом виде?» почти не появляется.

Современная и постметафизическая линия: критика вопроса «что есть?»

– В XX веке этот вопрос подвергается радикальной критике: поздний Хайдеггер смещает акцент с сущего на само «бытие» и на то, как оно открывается и закрывается в истории; речь идёт уже не столько о перечне сущностей, сколько о способах раскрытия мира, в которых человек может как удерживать, так и терять смысл.

– Процессуальные и реляционные онтологии (Уайтхед и его наследники) описывают реальность как сеть становления и отношений, а не как набор готовых вещей; негативная диалектика показывает, что всякая цельная система неизбежно подавляет страдание единичного, а метаметафизика (metametaphysics – «метаметафизика», то есть рефлексия над самой постановкой метафизических вопросов) обсуждает, что вообще значит задавать вопрос о фундаментальном.

Эти подходы разрушают наивную веру в прозрачное «что есть?» и подчеркивают историчность, процессуальность, конфликтность реальности, но всё ещё редко делают шаг к вопросу: какие формы удержания – памяти, ответственности, свидетельства – позволяют миру после катастрофы не распасться окончательно.

Постановка проблемы для онтологии удержания

– На этом фоне онтология удержания формулирует свою задачу так: показать, что фундаментально не только то, что есть, и не только то, как оно устроено в системе или процессе, а прежде всего то, что удерживается при напряжении – формы, в которых мир не даёт себе право забыть о жертвах, отказать в ответе, превратить другого в «голую жизнь».

– Это требует смещения акцента: вместо перечисления субстанций и пересборки систем или процессов нужно описать конфигурации удержания – институциональные, телесные, языковые, – благодаря которым вопросы справедливости, памяти, ответственности вообще не исчезают, несмотря на давление забвения и цинизма.

Тем самым в разделе 1.1 глава вводит проблему: и классическая, и современная метафизика много сказали о том, что есть, но мало – о том, что выдерживается; онтология удержания должна восполнить этот пробел, сделав устойчивые формы удержания центральным объектом метафизического размышления.

1.2. Диагноз недостаточности

– На трех типичных мотивах показать, почему этих ответов не хватает сегодня:

– войны, геноциды, травма: системы, в которых другая жизнь становится bare life, не укладываются в «список сущностей»;

– медиа и attention economy: реальность разрушается объяснениями и контентом быстрее, чем философия успевает переосмыслить её;

– ИИ и алгоритмы: мир, в котором большинство решений принимается без пауз и размышлений, а вопрос остаётся формально, но фактически не выдерживается.

– Вывести «провисание»: классические и новые онтологии плохо описывают формы длительного неснятого напряжения – ситуации, где вопрос открыт, решение возможно, но ещё не (и это «ещё не» структурно важно).

Диагноз недостаточности классической и новой метафизики можно поставить, если посмотреть, как они работают на трёх типичных узлах современной реальности – войне и травме, медиа-пространстве и автоматизированных решениях, где вопрос формально остаётся, но фактически не выдерживается.

Войны, геноциды, травма: жизнь, сведённая к «голой»

– Опыт лагерей, геноцидов и массовых войн показывает ситуацию, в которой человеческая жизнь сознательно доводится до состояния «голой жизни» (bare life – «голая жизнь»): биологического существования без политического и нравственного признания, как описывает Джорджо Агамбен, анализируя лагерь как предельное биополитическое пространство.

– Для классической онтологии это всё ещё «жизнь» как одна из сущностей, а для многих современных онтологий – один из режимов власти или один из процессов; обе линии с трудом ухватывают решающее: судьбу того, что удерживается или не удерживается после катастрофы, – память о жертвах, долг свидетельства, формы ответственности, которые не сводимы ни к списку сущностей, ни к описанию структур власти.

Именно здесь становится видно, что фундаментально то, что мир согласен удерживать – лица, имена, истории, – а не только то, что он может перечислить среди сущего или описать как элемент системы.

Медиа и «экономика внимания»: разрушение реальности объяснениями

– Цифровые медиа и так называемая экономика внимания (attention economy – «экономика внимания») производят и перерабатывают знаки, объяснения и «контент» быстрее, чем философия и общественная рефлексия успевают осмыслить происходящее: поток уведомлений, изображений и интерпретаций захватывает внимание, дробит его и делает краткосрочным.

– В таких условиях классический вопрос «что есть?» становится формально бессмысленным: реальность уже не предстает как устойчивый набор сущностей, а как непрерывный поток информационных событий, в котором важнее не то, что есть, а что в данный момент видно, кликабельно и монетизируемо; новая метафизика описывает процессы и сети, но часто не фиксирует центральное – какие формы удержания могут противостоять этому размыванию.

Отсюда новый дефицит: мало знать, какие структуры формируют мир; нужно понимать, какие формы памяти и ответственности способны выдерживать разрушительное ускорение медиа, не позволяя реальности раствориться в смене повесток.

Искусственный интеллект и алгоритмы: решения без паузы

– Алгоритмические системы и искусственный интеллект всё чаще принимают или подготавливают решения в сферах кредита, найма, безопасности, здравоохранения и войны; множество исследований фиксируют, что такие системы создают «разрыв приписывания» ответственности, когда решения формально принимаются людьми, но фактически следуют логике алгоритма.

– В этом мире пауза, раздумье, выдерживание вопроса становятся лишними: от человека требуется лишь подтвердить или автоматически принять рекомендацию системы, а не выдержать напряжение между неполнотой знания, ценой ошибки и ответственностью перед конкретными другими.

Классические и новые онтологии мало говорят об этом исчезновении паузы как онтологическом событии: они обсуждают, что есть – человек, машина, информация, – но не описывают, как исчезновение пространств удержания вопроса изменяет сам способ существования мира.

«Провисание» и неснятое напряжение как слепое пятно

– Во всех трёх мотивах – лагеря и геноциды, медийное ускорение, алгоритмические решения – возникает общая фигура: ситуация, где вопрос открыт, решение возможно, но «ещё не» реализовано, и это «ещё не» оказывается структурно важным, требуя удержания, а не закрытия.

– Классические и современные онтологии плохо описывают такой тип длительного неснятого напряжения: для первой оно выглядит как временный недостаток знания, который надо снять, для второй – как один из режимов процесса или власти; в обоих случаях упускается сам онтологический статус выдерживаемого промежутка между вопросом и ответом.

Именно это «провисание» – удерживаемая пауза, в которой мир отказывается либо забыть, либо поспешно решить – и становится отправной точкой онтологии удержания, для которой фундаментально не просто то, что есть, а то, что выдерживается во времени и ответственности.

1.3. Ввод основного тезиса

– Главный тезис части I:

– фундаментально не только то, что есть, но и то, что удерживается;

– реальность XXI века требует онтологии форм удержания (полей напряжения, пространств без ответа), иначе философия или обнуляет опыт (выпрямляя его в систему), или капитулирует (объявляя его «неподдающимся метафизике»).

– Кратко наметить четыре базовых фигуры удержания, которые будут раскрыты в последующих главах: форма, напряжение, пространство без ответа, субъект удержания.

Основной тезис части I таков: фундаментально не только то, что просто есть, но и то, что удерживается – формы, которые выдерживают напряжение времени, насилия, забвения и не дают миру окончательно провалиться в безразличие.

Фундаментально то, что удерживается

– Классическая и современная метафизика описывают фундаментальное через перечень сущностей, структур, законов и процессов, но почти не рассматривают как первичные те формы, которые спасают мир от распада: память, ответственность, свидетельство, длительную паузу между вопросом и ответом.

– Опыт XXI века – лагеря и геноциды, «голая жизнь», ускорение медиа и экономик внимания, алгоритмические решения без паузы – показывает, что решающим оказывается не набор сущностей, а то, выдерживаются ли формы, в которых другой остаётся видимым и слышимым, несмотря на мощь механизмов стирания.

Поэтому онтология удержания утверждает: фундаментальность нужно мыслить не только как «основание сущего», но и как устойчивость форм удержания – тех структур, где мир ещё способен не предать самого уязвимого.

Требование онтологии форм удержания

– Если философия остаётся в пределах старого вопроса «что есть?», она рискует обнулить опыт: выпрямить травму, разрыв, неснятое напряжение в очередную систему понятий, где лагеря, цифровые войны и алгоритмы станут просто «случаями» действия общих структур.

– Если же она отказывается от метафизики, объявляя современный опыт «неподдающимся понятию», то фактически капитулирует: оставляет пространство памяти и ответственности без онтологического языка, отдавая его либо технократическим моделям, либо медиальному шуму.

Онтология форм удержания предлагает третий ход: не выпрямлять и не снимать разрывы, а описывать те фигуры, в которых напряжение длится и выдерживается, становясь фундаментальной характеристикой мира.

Четыре базовые фигуры удержания

– Форма – это конфигурация, в которой мир и субъект могут стоять, не разрушая друг друга: образ жизни, обещание, клятва, институт, язык; форма существует постольку, поскольку она удерживается, а не просто задана.

– Напряжение – структурная характеристика формы, показывающая, какие силы стремятся её разорвать или окаменить; это не эмоция, а устройство поля, где удержание требует усилия и выдержки, а не сводится к инерции.

– Пространство без ответа – промежуток, в котором вопрос признан, но не закрыт решением; здесь сохраняется возможность ответа, но никто не присваивает себе право на окончательное «так было» или «так должно быть».

– Субъект удержания – тот, кто несёт форму и выдерживает напряжение: свидетель, судья, гражданин, педагог, терапевт; его задача не в том, чтобы произвести эффектный акт, а в том, чтобы не отступить от формы, когда она становится тяжёлой и непопулярной.

Эти четыре фигуры образуют каркас онтологии удержания: последующие главы развернут их как взаимосвязанные способы существования мира, где фундаментальным признаётся то, что выдерживается в напряжённом промежутке между вопросом и ответом.

Глава 2. «Что значит „существовать как удерживаемое“»

2.1. Деконструкция привычного «существовать»

– Разобрать основные модели существования:
– субстанция (Аристотель, схоласты);
– акт/потенция;
– событие (исторический, феноменологический и аналитический подходы);
– процесс (процессная философия).
– Показать, что во всех этих моделях «существовать» – это быть определённым (сущность, факт, событие, процесс с параметрами); промежуток, незавершённость и длительное «подвешивание» либо вспомогательны, либо трактуются как недостаток.

Глава 2 начинается с деконструкции привычного «существовать»: большинство крупных онтологических моделей описывают существование как уже определённое состояние – субстанцию, акт, событие, процесс, – тем самым вытесняя промежуток, незавершённость и длительное «подвешивание» в область второстепенного или дефектного.

Субстанция: существовать как носитель свойств

– В аристотелевско-схоластической традиции существовать значит быть субстанцией (substantia) – тем, что «есть само по себе» и несёт свойства, изменяясь, но оставаясь тождественным; сущность (ousia) задаёт, «что это такое», и тем самым завершает вопрос: сущее определено, ему назначено место во всеобщей иерархии.

– В такой рамке любые промежутки – незавершённый процесс, пауза, внутренний разрыв – трактуются как временная недостаточность знания или становления: они должны быть сняты в пользу окончательного определения субстанции; «подвешенность» не имеет собственного онтологического статуса.

Иначе говоря, субстанциальная модель заранее обещает, что у каждого сущего есть конечный ответ на вопрос «что оно есть»; длительное неснятое напряжение выглядит здесь как ошибка или задержка.

Акт и потенция: существовать как актуализованное

– Модель акта и потенции (actus/potentia) мыслит существование как переход из возможности в действительность: актуальное бытие выше возможного, и цель всякого становления – завершиться актом; в схоластике Бог мыслится как чистый акт (actus purus), в котором нет никакой незавершённости.

– Вытесняется всё, что не стремится к завершению: длительная пауза, сознательное удержание вопроса, отказ от поспешного решения – выглядят как недоработанность, слабость или злоупотребление свободой, а не как самостоятельный способ быть.

С точки зрения онтологии удержания именно эта логика «обожествления акта» делает невидимыми формы бытия, где важно не доведение до конца, а выдерживание неразрешённости – например, в работе с травмой или в публичной ответственности.

Событие: существовать как вспышка

– Исторические и феноменологические философии события описывают существование как прорыв, разрыв, появление нового: событие революции, катастрофы, встречи, откровения; аналитическая традиция говорит о «фактах-событиях» как об элементарных единицах действительности с заданными параметрами.

– Но и здесь событие мыслится как определённость: оно локализовано во времени, описуемо набором условий и последствий; промежуток между событием и его осмыслением, дли-

тельная работа по удержанию смысла и памяти остаются за кадром или считаются вторичным слоем «интерпретации».

В результате «существовать» в событийной модели – значит быть зарегистрированной вспышкой в истории или в логике фактов; незавершённые вопросы, которые тянутся после события, теряют онтологический статус и оказываются психологией, культурологией или политологией.

Процесс: существовать как поток с параметрами

– Процессная философия описывает реальность как сеть процессов: не устойчивые вещи, а становления, события-процессы, взаимопроникновение актов; мир – это текучая ткань, а всякая «вещь» лишь узел потоков.

– Тем не менее процесс тоже задаётся как определённый: у него есть параметры, исходные и граничные условия, возможно даже «функция»; если промежуток и важен, то как стадия процесса, подлежащая описанию в терминах начала, середины и конца, а не как онтологически открытая зона, где решение можно, но нельзя честно принять.

Так даже процессуальные онтологии склонны либо проглатывать промежуток в структуру «фазы процесса», либо объявлять подлинным только «чистое становление», не вникая в уникальность удерживаемой паузы между вопросом и ответом.

Общий вывод: «существовать» как замыкание и вытеснение промежутка

– Во всех этих моделях существовать значит быть определённым: субстанцией с устойчивой сущностью, актом, завершившим возможность, событием с фиксированными параметрами или процессом, описываемым уравнениями и стадиями; незавершённость и длительное «подвешивание» либо вспомогательны, либо патологичны.

– Именно поэтому классические и новые онтологии оказываются плохо приспособлены описывать формы длительного неснятого напряжения – травматическую память, неотменённое обещание, социальные конфликты, которые «ещё не» разрешены и не могут быть честно сведены ни к акту, ни к событию, ни к стадии процесса.

Деконструкция привычного «существовать» готовит ход к основному тезису онтологии удержания: фундаментально не только быть определённым, но и выдерживать неопределённость – существовать как удерживаемое в промежутке, который нельзя ни закрыть, ни отменить.

2.2. Позитивное определение «удерживаемого существования»

– Предложить рабочее определение:

– существовать как удерживаемое – значит быть формой, которая устойчиво сохраняется в напряжении между несколькими полюсами (возможное/действительное, вопрос/ответ, жизнь/смерть, вера/сомнение и т. д.).

– Ввести несколько примеров (без перегруза):

– город как удерживаемая форма (институты, маршруты, память, правила);

– обещание, клятва, обет как формы, которые существуют ровно постольку, поскольку удерживаются (личной и коллективной волей);

– «перемирие», «хрупкий мир», «режим тишины» – существование, полностью завязанное на удержании напряжения, а не на радикальном решении.

Существовать как удерживаемое значит быть формой, которая устойчиво сохраняется в напряжении между несколькими полюсами – возможным и действительным, вопросом и ответом, жизнью и смертью, верой и сомнением, не снижая этого напряжения до простого «или-или».

Рабочее определение удерживаемого существования

– Удерживаемое существование можно определить так: это форма, которая не только однажды возникла, но и выдерживается во времени и конфликте, оставаясь узнаваемой именно благодаря тому, что не сводит противоположности к простому выбору; её устойчивость состоит в способности не разорваться и не превратиться в пустую оболочку.

– Полюса, между которыми держится такая форма, могут быть различными: от логических (возможное/действительное) до экзистенциальных (надежда/отчаяние) и политических (мир/война); во всех случаях «удерживаемое» означает, что форма выдерживает эти противоречия, не становясь ни чистой возможностью, ни окончательно закрытым фактом.

Таким образом, удерживаемое существование – это не отсутствие определения, а особый тип определённости, живущей в долговременной паузе, где решение возможно, но сознательно не доводится до преждевременного конца.

Город как удерживаемая форма

– Город существует не только как совокупность зданий и коммуникаций, но как удерживаемая форма: сеть маршрутов, институтов, неписаных правил, коллективных воспоминаний, которые каждый день подтверждаются практиками жителей и уязвимы к разрушению.

– Даже после катастрофы – войны, стихийного бедствия, экономического коллапса – город продолжает «существовать» там, где сохраняется желание вернуться, восстановить площади, улицы, названия, где удерживается память о прежнем порядке и возможность его преобразования; без этого удержания руины остаются просто разрозненным веществом.

Город как удерживаемая форма показывает, что пространство может существовать в напряжении между прошлым и будущим, между разрушением и проектированием, и именно это напряжение делает его городом, а не складом объектов.

Обещание, клятва, обет

– Обещание, клятва, обет существуют ровно постольку, поскольку удерживаются волей того, кто их дал, и вниманием тех, кто их помнит: это формы, для которых «быть» означает «быть неотозванным», даже когда обстоятельства делают их выполнение тяжёлым, рискованным или внешне бессмысленным.

– При этом обещание всегда натянуто между возможным и действительным: оно касается будущего, которое может не наступить или обернуться иначе; удерживать обещание означает каждый раз заново подтверждать его в изменившихся условиях, не сливаясь ни с голой фактичностью, ни с абстрактной возможностью.

Клятва – это пример формы, чья онтологическая реальность совпадает с её удержанием: когда субъект отказывается её удерживать, клятва не «переходит в другой модус», а разрушается, обнажая пустое место доверия.

Перемирие и хрупкий мир

– Перемирие, «хрупкий мир», «режим тишины» – формы существования, целиком завязанные на удержании напряжения: война не окончена, справедливость не восстановлена, доверие не возвращено, но стороны соглашаются не переходить определённую черту, выдерживая одновременно память о насилии и отказ от немедленной мести.

– Такое существование нельзя описать как простой «мир» или как «продолжение войны другими средствами»: оно – промежуточная форма, в которой каждая сторона должна ежедневно подтверждать своё участие, несмотря на страх, ненависть и ненадёжность партнёра; когда удержание ослабевает, перемирие перестаёт существовать.

Перемирие демонстрирует, что есть формы, которые можно мыслить только как удерживаемые: их бытие – это не состояние системы, а непрерывная практика выдерживания противоречий, без которой никакая декларация «мира» не имеет реального содержания.

Структурные черты удерживаемого существования

– Во всех приведённых примерах удерживаемое существование характеризуется тремя чертами: наличием формы, полем напряжения между полюсами и практикой удержания, без которой форма рушится или превращается в пустой знак.

– Такое существование не отменяет классических определённостей (вещей, событий, процессов), но добавляет к ним измерение выдерживаемой паузы: быть – значит не только «быть чем-то», но и «удерживаться как форма» в мире, где разрушение, забвение и цинизм постоянно стремятся снять эту форму.

Тем самым позитивное определение удерживаемого существования подготавливает дальнейший анализ: форма, напряжение, пространство без ответа и субъект удержания становятся ключевыми фигурами онтологии, которая берёт всерьёз не только то, что есть, но и то, что выдерживается.

2.3. Отличие от субстанции, акта и события

– Субстанция: удерживаемое всегда зависимо, всегда «на грани» (его можно разрушить, забыть, предать), но именно эта зависимость и делает его онтологически значимым.

– Акт: удерживание – не единичный акт, а длительный режим; важно подчеркнуть разрыв с представлением о бытии как «раз и навсегда состоявшемся акте».

– Событие: событие – момент, в котором удерживаемое существование рискует: либо укрепляется, либо распадается; но само существование не сводится к очереди событий.

Отличие удерживаемого существования от субстанции, акта и события состоит в том, что оно принципиально зависимо, растянуто во времени и переживает событие как риск, а не как завершённость; его бытие – это режим выдерживания, а не раз и навсегда данный факт.

Удерживаемое и субстанция

– Субстанция мыслится как то, что существует «само по себе»: она может менять свойства, но её основание считается неуязвимым; напротив, удерживаемое всегда «на грани» – его можно разрушить, забыть, предать, и потому оно требует постоянного подтверждения со стороны людей, институтов, языков и тел.

– Именно эта зависимость и уязвимость придают удерживаемому онтологическую значимость: если память о жертвах, форма справедливого суда, клятва или перемирие перестают удерживаться, исчезает не просто «одно из свойств» мира, а сам мир в качестве человеческого – мир, в котором ещё возможны ответственность и ответ.

Так удерживаемое существование показывает, что фундаментальным может быть не то, что гарантировано «изнутри» своей сущностью, а то, что каждый день может рухнуть – и потому требует усилия выдерживания.

Удерживание и акт

– Новоевропейская традиция склонна видеть в бытии акт: решительный жест основания, раз навсегда совершённый поступок, радикальное утверждение; в этом горизонте пауза и длительное неснятое напряжение кажутся слабостью или несовершенством.

– Удерживание же – не единичный акт, а длительный режим: серия повторных подтверждений, отказ от отмены уже сказанного, постоянное «да» клятве, перемирию, обещанию, память о которых легко стереть; здесь важен разрыв с представлением о бытии как «одном великом акте» и переход к мысли о бытии как выдерживаемой форме.

В этом смысле удерживаемое существование онтологически ближе к ежедневной верности, чем к героическому мгновению: оно не моментально, а ритмично, и измеряется не разовой интенсивностью, а способностью не отступить.

Удерживаемое и событие

– Событие – это момент сгущения времени: катастрофа, революция, разоблачение, примирение; в нём форма удержания подвергается испытанию – перемирие может укрепиться или

рухнуть, клятва подтвердиться или превратиться в пустой звук, городская форма либо выстоит, либо превратится в руины без памяти.

– Но удерживаемое существование не сводится к цепочке событий: его сущность – в том, что происходит «между» событиями, в интервалах, где нет громких поворотных моментов, а есть тихое, но решающее выдерживание: повторное собрание, которое всё ещё собирается; суд, который годами не закрывает дело; семья, которая после травмы продолжает жить вместе.

Событие, таким образом, – не вершина бытия, а точка риска для удерживаемого: оно может либо разорвать форму, либо сделать её глубже, но в любом случае не исчерпывает её существование, которое длится в промежутке до и после события.

Итог: режим зависимости, длительности и риска

– В отличие от субстанции, удерживаемое существует не «само по себе», а на плечах тех, кто его несёт, и в сетях институтов, которые его поддерживают; в отличие от акта, оно определяется не единичным моментом, а устойчивым режимом, в котором каждая новая ситуация требует подтверждения формы.

– В отличие от событийной онтологии, здесь решающей становится не последовательность «важных моментов», а способность формы пережить эти моменты, выдержать их и не исчезнуть между ними; быть – значит не только быть чем-то, но и выдерживать риск распада, оставаясь удерживаемым.

Так «существовать как удерживаемое» означает принять зависимость, длительность и риск как внутренние характеристики бытия, а не как его недостатки; именно в этом сдвиге и заключается онтологическое новшество метафизики удержания.

Глава 3. «Форма и напряжение»

3.1. Форма как онтологический носитель удержания

– Развести «форму удержания» и классическую форму (eidos, forma substantialis):

– классическая форма – структурный принцип вещи;

– форма удержания – конфигурация, в которой множество элементов (люди, институты, медиапотоки, нормы) удерживаются вместе, не совпадая и не сливаясь.

– Уточнить:

– форма удержания может быть пространственной (город, поле боя), временной (режим ожидания), символической (традиция, нарратив), цифровой (платформа, лента).

Форма как онтологический носитель удержания – это не внутренний «чертёж» вещи, а конфигурация, в которой разнородные элементы удерживаются вместе, не совпадая и не сливаясь, и благодаря этому выдерживают напряжение между разрушением и сохранением.

Развод с классической формой

– В классической онтологии форма (eidos, forma substantialis – «сущностная форма») понимается как структурный принцип вещи: она отвечает на вопрос «что это за вещь?», определяет её вид, функции и место в иерархии сущего; именно форма делает из материала «это нечто» и стабилизирует его.

– В таком понимании форма относится к вещи как её внутренняя сущность: ею можно обладать, её можно познать как нечто завершённое, она не нуждается в постоянном удержании многими субъектами и институтами; если форма один раз «присуща» вещи, её бытие считается обеспеченным.

Онтология удержания требует другого взгляда: ей нужна форма, которая не только структурирует вещь, но и сама нуждается в удержании, иначе распадается или превращается в пустую схему.

Форма удержания как конфигурация множества

– Форма удержания – это конфигурация, в которой множество элементов удерживаются вместе: люди, институты, медиапотоки, нормы, практики, материальные объекты; она не совпадает ни с одним из них и не растворяет их друг в друге, а задаёт способ их совместного пребывания.

– Такая форма всегда открыта и уязвима: её можно разрушить, подменить, забыть; она существует только пока действует сеть удерживающих её практик – от телесных привычек до юридических процедур и культурных ритуалов; именно поэтому она становится онтологическим носителем удержания, а не «готовым» свойством вещи.

В отличие от классического eidos, который можно вообразить даже без людей, форма удержания принципиально реляционна и исторична: она живёт в том, как множество сохраняет себя в напряжённом общем пространстве.

Пространственные формы удержания

– Пространственная форма удержания – это город, поле боя, лагерь, линия фронта: здесь конфигурация улиц, зданий, границ, пунктов контроля и мест памяти задаёт способ присутствия людей, распределения сил, видимости и невидимости тел.

– Город как форма удержания существует постольку, поскольку сохраняется сеть маршрутов, институтов, знаков, режимов охраны и гостеприимства; поле боя – постольку удерживаются линии, позиции, запреты и негласные правила, отличающие «фронт» от простого хаоса насилия.

Пространственная форма, таким образом, – это не геометрия, а удерживаемое поле, в котором возможны определённые виды действий и невозможны другие; она держит вместе тех, кто могли бы разойтись или уничтожить друг друга.

Временные формы удержания

– Временная форма удержания – это режим ожидания, перемирия, отсрочки решения, в котором будущие варианты не сведены к одному исходу; время здесь структурировано не лишь календарём, а признанием того, что «ещё не» решено и это «ещё не» нельзя честно отменить.

– Режим ожидания может быть институционально оформлен (срок давности, мораторий, временная защита) или проживаться телесно и экзистенциально (ожидание ответа, возвращения, признания); в обоих случаях мы имеем дело с формой, которая удерживает промежуток, а не заполняет его событиями.

Здесь форма удержания выступает как каркас времени, позволяющий вопросу не исчезнуть и не превратиться в пустую рутину: она удерживает возможность ответа, не подменяя его.

Символические и цифровые формы удержания

– Символическая форма удержания – это традиция, нарратив, канон, правовая или религиозная форма: последовательность текстов, образов, ритуалов, которые удерживают общее поле смысла и ответственности между поколениями; их бытие зависит от того, будут ли их повторять, интерпретировать, спорить с ними, а не просто хранить в архиве.

– Цифровая форма удержания – это платформа, лента, алгоритмическая конфигурация видимости: то, как устроена лента новостей, система рекомендаций, структура аккаунтов и связей, определяет, какие события и лица удерживаются в коллективном внимании, а какие исчезают в цифровом забвении.

Символические и цифровые формы показывают, что удержание всегда медиировано: формы могут поддерживать память и ответственность, а могут организовывать систематическое забывание – в обоих случаях они выступают онтологическими носителями того, удерживается ли мир или распадается.

Форма как носитель удержания

– Во всех перечисленных вариантах форма удержания – это не «идеальный образец» вещи, а способ связности множества в условиях угрозы распада: она делает возможным то, чтобы город, традиция, перемирие или цифровое пространство не скатывались в хаос или в мёртвую схему.

– Именно поэтому форма в метафизике удержания становится онтологическим носителем: не сама по себе вещь или событие, а форма их совместного удержания определяет, будет ли мир ещё миром, пригодным для ответственности и ответа.

Так глава 3.1 закрепляет ключевой сдвиг: от формы как структурного принципа вещи к форме как удерживаемой конфигурации, в которой многие могут сосуществовать, не растворяя друг друга и не переставая быть друг для друга.

3.2. Напряжение как структурная характеристика, а не эмоция

– Определить напряжение:

– не чувство тревоги, а состояние, в котором элементы формы не совпадают, но и не рассыпаются;

– отличие от «конфликта» (который стремится к разрешению) и «гармонии» (где различие исчезает).

– Показать на примерах:

– демократическое пространство как форма, удерживающая неснимаемое напряжение разных интересов;

– религиозное поле как напряжение между верой и сомнением, догмой и опытом;

– личная вина/ответственность как форма, в которой человек живёт в неснятом напряжении между тем, что сделал, и тем, что ещё может сделать.

Напряжение в онтологии удержания – это не чувство тревоги или внутренний дискомфорт, а структурное состояние формы, в котором её элементы не совпадают, но и не рассыпаются, оставаясь связанными в общем поле без насильственного снятия различий.

Напряжение, а не конфликт и не гармония

– Напряжение не сводится к психологическому переживанию: оно описывает объективную конфигурацию, где существуют разнонаправленные силы, интересы, ожидания, но сама форма удерживает их вместе, не позволяя ни одному полюсу уничтожить другой; тревога может сопровождать это состояние, но не исчерпывает его смысла.

– В отличие от конфликта, который ориентирован на разрешение (победу, компромисс, подавление), напряжение не стремится к окончательному финалу: его задача – выдерживаться; в отличие от гармонии, где различия сглажены или исчезли, напряжение предполагает ясное различение полюсов, но отказывается превращать его в повод для разрыва.

Таким образом, напряжение – это структурная характеристика живой формы удержания: если оно исчезает полностью, форма либо распадается, либо мертвеет в безразличной симметрии.

Демократическое пространство

– Демократическое пространство можно понять как форму удержания неснимаемого напряжения разных интересов, мировоззрений и социальных позиций: здесь нет точки, где конфликт «конечно решён», но есть процедуры, институты и привычки, которые не дают различиям перейти в гражданскую войну или в диктатуру.

– Парламент, свободная пресса, независимый суд, выборы, право на протест – это механизмы, которые структурируют напряжение, не уничтожая ни оппозицию, ни власть, ни меньшинства; когда эти механизмы исчезают, напряжение не выдерживается, а взрывается или гасится репрессией, и демократическая форма перестаёт существовать.

Демократия в таком понимании – не «гармония интересов», а форма, которая живёт отвагой выдерживать постоянное напряжение несогласия, признавая его не дефектом, а условием существования общего мира.

Религиозное поле

– Религиозное поле можно описать как напряжение между верой и сомнением, догмой и опытом: традиция предлагает определённые формулы и обряды, но живое верование всегда сталкивается с личной историей, страданием, научным знанием, культурными изменениями.

– Там, где сомнение полностью подавлено, вера превращается в идеологию; там, где догма полностью обесценена, опыт рассыпается в частные впечатления; религиозная форма удержания возникает именно там, где эти полюса выдерживаются вместе – в практике молитвы, толкования, спора, молчания и служения.

Так религиозное напряжение – не случайный побочный эффект «слабой веры», а структурный признак поля, в котором человек остаётся в адресном отношении к трансцендентному, не сводя его ни к сухой доктрине, ни к чистой субъективности.

Личная вина и ответственность

– Личная вина и ответственность образуют форму, в которой человек живёт в неснятом напряжении между тем, что сделано, и тем, что ещё может быть сделано: поступок не отменим, но отношение к нему может меняться через признание, покаяние, компенсацию, изменение жизни.

– Если вина полностью «закрывается» – циничным самооправданием или внешней амнистией – напряжение исчезает, но вместе с ним исчезает и возможность подлинного изменения; если же оно превращается в чистое самоуничтожение, форма ответственности разрушается;

подлинная форма удержания возникает там, где человек выдерживает знание о своём поступке и одновременно не отказывается от будущего действия.

Здесь напряжение – не мучительное чувство ради чувства, а структурная связь прошлого и будущего, без которой ни справедливость, ни прощение, ни новая жизнь не имеют онтологического веса.

Напряжение как условие живой формы

– Во всех случаях напряжение выступает признаком того, что форма удержания жива: демократическое пространство, религиозное поле, личная ответственность существуют не там, где конфликт исчез, а там, где он структурирован и выдерживается, не переходя в насилие или в безразличие.

– Мыслить напряжение как структурную характеристику – значит признать: мир держится не на готовых равновесиях, а на формах, которые умеют жить в постоянном неснятом различии и не превращать его ни в войну, ни в пустую гармонию.

3.3. Взаимосвязь формы и напряжения

– Уточнения:

– форма без напряжения превращается в пустую структуру (деревянный каркас без жизни);

– напряжение без формы – хаос, разрушение.

– Удержание мыслится как совместная функция формы и напряжения:

– формально это может быть описано как состояние системы, в котором разность потенциалов не доводится до разряда.

Форма и напряжение составляют неразложимую пару: форма без напряжения превращается в пустой каркас, напряжение без формы оборачивается хаосом; удержание мыслимо лишь как совместная работа формы и напряжения, удерживающих друг друга от распада и окаменения.

Форма без напряжения: мёртвая структура

– Когда форма утрачивает напряжение, она перестаёт быть полем удержания и превращается в пустую схему: юридическая система, которая больше не сталкивается с реальными конфликтами, превращается в ритуал; религиозный обряд без внутреннего вопроса и ответственности становится эстетическим фоном.

– Такая форма похожа на деревянный каркас, в котором больше никто не живёт: он ещё стоит, его можно измерить и описать, но он уже не удерживает никакого «внутреннего» пространства; в онтологическом смысле это почти музейный экспонат, а не живая форма мира.

Форма без напряжения удобна для описания и управления, но именно потому она перестаёт быть носителем удержания: она ничего больше не выдерживает.

Напряжение без формы: хаос и разрушение

– Если же остаётся одно напряжение без формы, оно проявляется как хаос: разорванные связи, неконтролируемое насилие, поток аффектов и информации, не проходящий через устойчивые конфигурации правил, институтов, ритуалов и нарративов.

– Такое напряжение не удерживается, а разряжается в разрушении: протест без формы политического действия, вина без формы ответственности, религиозный порыв без формы общины и предания приводят либо к вспышке насилия, либо к краткому эмоциональному подъёму, который не оставляет после себя устойчивого мира.

Напряжение без формы показывает, что сама по себе сила аффекта или конфликта не создаёт реальности; она её разрывает, если не найдёт формы удержания.

Удержание как совместная функция формы и напряжения

– В онтологии удержания удержание можно описать как состояние системы, в котором разность потенциалов – различий, интересов, ожиданий, прав и долгов – не доводится до полного разряда: ни до взрыва, ни до полного выравнивания; форма задаёт границы и каналы, а напряжение обеспечивает живость и ответственность.

– В этом состоянии элементы формы остаются различными и даже противостоящими, но их столкновение не приводит к уничтожению; напряжение постоянно перераспределяется, а форма постоянно подстраивается, чтобы выдержать новое давление, не теряя своей идентичности.

Так удержание оказывается не статическим «состоянием равновесия», а динамическим режимом: форма и напряжение одновременно ограничивают и питают друг друга, создавая пространство, где возможно жить, задавая вопросы и не разрушая мир окончательно.

Глава 4. «Пространство без ответа»

4.1. Критика идеи ответа как единственной цели вопроса

– Разбор того, как в классике и современной философии обычно мыслится вопрос и ответ:

– в науке – вопрос как шаг к теории (ответу);

– в классической метафизике – предельные вопросы как требующие либо решения, либо объявления их псевдовопросами;

– в религии – как часто предполагаемые к закрытию догмой.

– Показать, что в ряде ситуаций (травма, радикальное зло, Бог, смерть другого, будущие технологии) навязанный ответ разрушает сам опыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.